

84(5Каз-Рус)7-5
Б 87

03

ИОСИФ
БРЕЙДО

В синкопе
времени

ИОСИФ
БРЕЙДО

В синкопе времён

УДК 821.161.1 (574)

ББК 84 (5Каз-Рус)7-5

Б 87

Б 87 Брейдо Иосиф Вульфович “В синкопе времён”.

Избранные стихи./ Ред., сост., послесл.

И.В.Варыгиной – Караганда: Глаسير, 2013 – с124

ISBN 978-601-7397-33-3

Редакция, составление и послесловие:

Ирина Варыгина

978-601-7397-33-3

В книгу вошли избранные стихи, написанные поэтом Иосифом Брейдо на протяжении жизни. В них автор размышляет о жизни, о времени, о непреходящих человеческих ценностях.

Стихам Иосифа Брейдо свойственны глубина мысли, неистощимое остроумие и тонкий лиризм. Простота изложения и доброжелательность интонации лишь усиливают столь редкое сочетание.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

Оформление обложки и портрет автора:

фотохудожник Юрий Варыгин

УДК 821.161.1 (574)

ББК 84 (5Каз-Рус)7-5

ISBN 978-601-7397-33-3

© Брейдо И.В.

“АХ, ПАМЯТЬ, БЕГ ОСТАПОВИ...”

Сыплется тоненькой струйкой песок
сквозь узкое горло песочных часов.
Отмерено время, в назначенный срок
последней крупинки удар невесом,
но громом звучит он в пустой тишине,
и конусом мёртвая горка на дне,
но снова бездонно пространство над ней.
Движенье руки – и увидится мне,
как льётся весёлою струйкой песок
сквозь узкое горло песочных часов.

ИОСИФ
БРЕЙДО

В синкопе времён

Полупустынные просторы
открытых вечности степей
ценю с годами всё сильнее,
но взгляд привычно ищет горы.

Прости, рождён на Иссык-Куле,
где охраняли чашу вод
и подпирали небосвод
хребты в бессменном карауле.

И среднегорья воздух сладкий,
покачиваясь на волне,
вдыхал, и грезились на дне
дворцов таинственных остатки.

Ходил по улицам деревни
в спасительной тени аллея
пирамидальных тополей,
в руках держал апорт осенний...

Там озеро сливалось с небом
и дом стоял наш небольшой,
давно на родине я не был,
где ныне лишний и чужой.

СТАРЫЙ ДОМ

Ты помнишь, мама, старый дом,
в котором мы когда-то жили,
построенный в саманном стиле?
Он первым был моим дворцом.

В нетопленном холодном зале
всю зиму яблоки лежали,
и я запомнил с детских пор,
как пахнет в январе апорт.

Светила лампа в полнакала,
ты, спать нас уложив, читала,
а я во сне летел, ликуя,
легко скользя над Иссык-Кулем.

Я через много лет потом
увидел домик в двадцать метров,
открытый всем тьянь-шанским ветрам...
Ты помнишь, мама, старый дом?

СТАРЫЙ АРТИЛЛЕРИСТ

Ощущал лишь чёрно-белые цвета
И не шёл на компромиссы никогда.

Свято верил в правоту печатных слов
И к труду и обороне был готов.

Артиллерию за бога признавал,
В остальном же ничего не понимал.

Твёрдым взглядом и прищуренным слегка
В вилку брал расположение врага.

Слишком громко отвечал да невпопад
И отчаянно скрывал, что глуховат.

Пел по праздникам и повторял не раз:
“Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!”

Много дров ненужных в жизни нарубил,
Будто вечно на прямой наводке жил.

Но никто бы упрекнуть его не смог
В том, что до конца не выполнил свой долг.

Пришла кровавая беда
и поглотила без следа...

Но разве без вести пропал,
кто жизнь за родину отдал

и чьи мы носим имена,
как высших рангов ордена?

И внуков так же назовём,
чтоб помнили всегда о том,
как прадед рано в землю лёг,
но родину свою сберёг.

Когда фейерверки гремят над страной
девятого мая,
то сверху дождь сыплет, слезою небесною
прах омывая
пропавших без вести, сожжённых, истлевших,
разорванных в клочья,
лежащих во рвах и в лесах, приходивших
во сне к своим ночью.
Но, может быть, это не дождь из небесных
запасов бездонных,
а горькие реки, потоки слёз женских,
земных и солёных,
по деточкам милым, мужьям, по родителям,
сёстрам и братьям.
По каждому, кто не вернулся, покинув
родные объятья,
унала слезинка – и вот с неба льются
потоки сплошные...
По так же пылят по просёлкам планеты
колонны стальные.

Прошла весна, скользнула мимо,
мелькнула, словно невзначай,
ещё не раз вернётся май,
вот только жизнь необратима.

Ещё не раз вернётся май,
зашевелит листвой знакомо,
а нас уже не будет дома,
уйдём, как все, за жизни край.

А нас уже не будет дома,
но встретит правнук наши лица,
листая жёлтые страницы
семейного фотоальбома.

Листая жёлтые страницы,
своё увидит отраженье,
поймёт, что наше продолженье
в чертах его души хранится.

Бросает жребий, не спеша,
невидимый игрок,
и, замирая, ждёт душа,
кого отметит рок.
Уже в проскрипциях утрат –
родные имена:
ушли отец, и мать, и брат.
Небытия стена
нас разделила, и теперь
в снегах текущих лет
сам Хронос – лекарь всех потерь –
заносит молча след.
Живу, дышу, тверда рука,
в порядке нервы, плоть,
но вдруг навалится тоска,
не приведи Господь.
Уходит всё за дымку дней,
скрывается вдали,
а вспомнишь, и ещё сильнее
ушедшее болит.
Что ж, ненадолго, но и я
переживу беду.
По всем законам бытия –
до встречи. Я приду.

Из книги вылетит листок,
Забытый меж страниц когда-то,
И несколько знакомых строк
Напомнят вдруг иные даты,
Иные, дальние края,
Где твердь и воды в вечном споре,
Где проблеском мерцал маяк
И были только ты и море.
Ах, память, бег останови!
Давай попробуем с начала,
Там хрупкая душа любви
Словам доверчиво внимала.

С.

Рок, судьба или случай просто
Свёл нас вместе в дальнем краю,
Нахло зимней корюшкой остро,
Предрекали нам жизнь в раю
Океан да из песни остров.

Но мы столько сломали копий,
И друг в друга пустили стрел,
И в бессмысленной вязли топи –
Ведь никто никак не хотел
Расставаться с миром утопий.

Ты бывала чернее тучи,
Прожигал я взглядом насквозь,
Кто сильней обожжёт – тот круче.
Вместе – трудно, но страшно – врозь,
Видно, страх одиночества мучил...

Но желанье остаться рядом
Оказалось сильнее, ведь нет
Долгожданной сейчас награды,
Чем улыбка твоя в ответ
Моему усталому взгляду.

Ты по-прежнему непоседа,
И когда на недолгий срок
Улетаешь зимой иль летом,
Всё становится поперёк:
В доме пусто и мало света.

Декабрь, субтропики, Гоа.
Чередование приливов.

В прозрачной дымке острова
Качает на волнах лениво.

Послушный океан у ног,
В тени блаженная истома.

Земной Эдем, но твой-то бог —
Он одиноко мёрзнет дома.

О сероглазый мальчик мой,
Хочу к тебе в мороз, домой.

*Кто видел в море корабли
Не на конфетном фантике...*

На флоте заведён порядок строгий:
В поход не провожают корабли.
В моря уходят только по тревоге –
Устав с землёй прощаться не велит.

А в море вплоть до горизонта пусто,
И нет границ меж небом и водой,
И умирают постепенно чувства
От качки килевой и бортовой.

Конец похода и отбой тревоги.
Сойдёшь по трапу с борта корабля –
Пасмешливо глядят земные боги,
Как под тобой качается земля.

Пока придёт уверенность в походке,
Вернутся ли забытые слова
И станет снова ль силуэт твой чётким?
Нет, надо жить на суше, ты права.

Но почему же снится мне порою,
Как солнце, отражаясь от волны,
Встаёт над морем, словно над судьбою,
И солнечные брызги солонь?

Он во Вселенной – первая звезда,
Вокруг него вращаются планеты.
Всё для него: закаты и рассветы,
Земля и небо, воздух и вода.
Возможно, и малыш обыкновенный,
Но для семьи он главный во Вселенной.

Груз лет и ожерелье званий –
всё это суета сует,
но сладостней минуты нет,
когда в час неурочный, ранний
разбудит внук и скажет: “Дед,
пора пускать кораблик в ванне”.

Сквозь шум дождей, разряды грозовые,
над облаками, через всю планету
я с внуком говорю по Интернету,
встречаемся в сети мы не впервые.
Расскажет наизусть он пару сказок.
Цитируя Чуковского Корнея,
напомнит о жестоком Бармалее,
о муках Мухи, не жался красок.
Затронет и семейные проблемы:
ему уже четыре, а на деле
не влево и не вправо – надосли
родителей диктаторские схемы...
И нету разногласий между нами,
вот так мы и беседуем часами.

ПЯТЬДЕСЯТ

Полвека – нормальная дата,
весомое есть за спиной,
уже суетиться не надо
и думать о жизни иной.
Расставлены точки как должно,
а если придётся рискнуть,
то это не внове и можно
единственный выверить путь.
Остались и воля и силы
не прятать, стесняясь, лица
и быть для кого-то немилым,
ведь есть кому мил до конца.

“РАБОТАТЬ? НЕТ, ПРОЖИТЬ В РАБОТЕ...”

Мы дети прошлого, в котором
бывали радость и беда,
но научили нас тогда,
будь кем угодно, но не вором.
И в жизни видели немало,
смешались в памяти моей
Ремарк, портвейн, Хемингуэй,
аэродромы и вокзалы.
Нам не хватало дня и ночи,
чтобы работать или пить,
но тонкая держала нить,
тем отличались мы от прочих.
Цари сменились и страна,
а мы остались вне системы,
на той же кухне, те же темы,
и неизменны имена.
Нам есть что бросить на весы,
и пожалеем мы едва ли,
что не рвались всю жизнь в тузы,
а стали именно кем стали.

РЕКВИЕМ

Вкус горький черноморских вод и оксана,
Берёзы под Москвой, мечети Регистана,
Нева, Амур и Волга, Зеравшан и Лена —
Не выбраться никак из этого мне плена.
Спина лосося, вверх ползущего упрямо,
В дальневосточной мелкой речке безымянной,
Крещатик, переулки Риги, мост Дворцовый...
Как жаль, что сброшены державные оковы
И перелистаны последние страницы,
Но сердцу наплевать на визы и границы.
И вряд ли мне уже избавиться до гроба
От ощущения внезапного озноба,
Когда играют марш “Прощание славянки”
И слушают его имперские подранки.

Наворожи, гадалка, нам
На новый век чуть-чуть удачи,
Ну, не тяни, чего уж там,
Я заплачу, не надо сдачи,
И не красней – ты столько раз
Невидимую сетью сводни
Связать с судьбой пыталась нас,
А нужно именно сегодня:
Кому – бубновый интерес,
Кому – счастливая дорога,
Кому-то – весть из дальних мест,
Ты видишь, я прошу немного.
Наворожи моим друзьям
Одно хорошее, гадалка,
Пусть правда будет пополам
С красивой сказкой, лги, не жалко,
Когда ещё удастся так
Отметить нам на этом свете
Такой условный, в общем, факт
Как переход тысячелетий.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

За сорок лет сместились русла рек,
над морем высохшим гуляет ветер,
разрушилась страна, сменился век,
ушли из дома выросшие дети.
И мы не так, наверное, живём,
достаточно причин для беспокойства,
но всё-таки друг друга узнаём
по признакам совсем иного свойства:
есть нечто, что притягивает нас
друг к другу, и оно неуловимо.
Мы снова вместе, словно в первый раз,
и оттого легко невыносимо.

Приходим в мир по одному,
Назад ползём поодиночке,
И в промежутках потому
Так тесно сердцу в оболочке,

Когда затягивает вдруг,
Возможно по велению свыше,
В неведомый доселе круг,
Где в такт с тобою кто-то дышит.

Душ неприкаянных родство:
До перекрёстка иль погоста –
Рождается из ничего,
Но дышится легко и просто.

И в хаосе прошедших дней,
В случайности всех наваждений,
Коль вспомнишь, не было важней
Всех этих редких совпадений.

Средь крупных классов,
шумных групп
один есть тихий класс,
Темногие в него войдут,
не опуская глаз.
Успех здесь просто редкий гость,
да и его не ждут,
Живут, наверное, как все,
но лишь прямой идут.
Здесь всё равно, какой сумел
занять ты в жизни ряд,
И наплевать, каких достиг ты
званий и наград,
Но в пору долгих неудач
не отвернут лица,
Не оттолкнут, откроют дверь
и иногда сердца.
Есть класс порядочных людей,
и в этот тихий класс
Войти бы и в конце пути,
не опуская глаз.

В. М.

Нарушить слово – проглотить отраву,
что сказано – быть сделанным должно,
тобою так давно заведено,
иные варианты не по нраву.

Чужие целовать не станешь губы,
чего бы ни шептал лукаво чёрт,
остались в Красной книге однолюбы:
они давным-давно наперечёт.

И кто с тобою рядом, тот под крышей,
когда вокруг хаос и суета,
здесь тихо и спокойно: неспроста
даровано тебе всё это свыше.

Конечно, слишком быстро мчится время,
часы безостановочно спешат,
блестит давно уже на солнце темя,
но долго пусть не старится душа.

КАПИТАН

Г. П.

Вступить на мостик корабля,
Где на борту лишь треть команды,
А злые ветры декабря
Срывают паруса и ванты,
И самому встать у руля.

Вокруг беснуется вода,
И в трюмах нет уже припасов,
Куда вести корабль, когда
Шторм не даёт вздохнуть ни часа,
Лишь за бедой летит беда...

Но надо, зубы сжав, забыть
Про то, что не вернуть обратно,
И не бояться жёстким быть
И понятым порой превратно,
А курс сквозь бурю проложить.

Наивность юности беспечной
Влекла упрямо за собой
Лететь дорогой столбовой
К вершине, истинной и вечной,
Где в храме подлинной науки
Учёные наперечёт,
А небожителям почёт
За их великие заслуги...
И вот к сияющим вершинам
Был сделан самый первый шаг,
Но оказалось всё не так
В пути извилистом и длинном
По перенаханному полю,
На той невидимой тропе,
Где каждый сам и по себе
Свою упрямо ищет долю,
Чтобы при каждой неудаче
Менять протоптанный маршрут,
Пусть это и Сизифов труд,
Да, видно, поздно жить иначе...
Но если маленькую тропку,
Раз выпал жребий и удел,
В науке протоптать сумел,
И пусть не гору взять, а сопку,
Что несущественно, наверно,
Коль радость рвётся из груди
И все вершины впереди –
Ну, значит, дело было верным.

В.С.

В эпоху грязи, липкой и безбрежной,
он верит в смысл глубокий дальних странствий
и пишет о космическом пространстве.
Сквозь зубы кто-то процедит небрежно,
что это никому не нужно, всё же
надёжней коробейником с товаром
бродить по уголкам земного шара:
купить дешевле и продать дороже —
вот жизни смысл. Но парень-то уверен,
что прыгать надо только с парашютом,
ходить по непроторенным маршрутам,
и принципы менять он не намерен.

ИНЖЕНЕР

Бог создал мир и как-то обустроил,
А позже неизвестный божий раб
Придумал колесо и дом построил:
Умом силён был, хоть и телом слаб.
Ещё один малоизвестный малый,
С надеждой на земную благодать,
Из камня и песка добыл металлы
И научил их плавать и летать.
Опутал проводами всю планету,
Тепло и свет достал из-под земли
И, часто прокливаемый за это,
При жизни оставался на мели.
Скрестил изображения и звуки,
Нет, кажется, недостижимых сфер,
Где он ни приложил бы мысль и руки,
Творец второго мира – инженер.

Э.К.

Работать? Нет, прожить в работе,
не изменяя первому пути,
и плыть не по течению, а против,
когда спокойней тихо отойти.

Бить в точку не мгновения, а годы,
сомнения в душе похоронив,
и в пору самой долгой непогоды
упрямо верить в солнечные дни.

Искать не славословия и славы,
а выбрать непростой удел,
когда не страшно быть неправым,
а страшно отойти от дел.

ГОРОДУ КАРАГАНДА

Назначенный в крутые времена
Степной столицей каторги и ссылки,
Ты первопоселенцам дал сполна
Хлебнуть беды и до последней жилки
Тянул из них, чтоб дать стране угля,
Построить и заводы, и бараки,
И строгими квадратами поля
Нарезать так, как принято в Карлаге.
И обратиться раньше срока в прах...
Но загрузались снова эшелоны,
С тоской и обречённостью в глазах
По мостовым шли серые колонны...

Их труд вокруг в пространстве растворён.
В твоей с тех пор солоноватой почве
Смешалась плоть народов и племён —
Вот потому фундамент этот прочен.

Живи, шуми листвою тополей,
Расти детей, пускай поглубже корни
И вызовы судьбы преодолей,
Но только первых, сколько можешь, помни.

ПОСЛЕ ВЗРЫВА НА ШАХТЕ

Полкилометра от поверхности планеты,
В подземных лабиринтах тишина,
Лишь ветер шевелит клочки газеты,
Да в чёрной луже плещется волна,
И, кажется, вступаешь в воды Леты.

Связав огонь и газ по роковым законам,
Земное раздавил подземный шквал:
Железо, уголь, кровь, куски бетона...
Луч света упирается в завал
И чётко освещает тень Харона.

ЮРТА

Прислушиваясь к музыке стеней
И внемя зову звёзд одновременно,
Между землёй, хранящей прах людей,
И полусферой вечности Вселенной,
Не принимая строгих линий стен,
Им округлённость форм предпочитая,
Кочевник родовых все семь колен
Легко и наизусть пересчитает.

И вспомнит под мелодию кюйши
Оставленные предками заветы:
Соразмерять желания души
С периодом вращения планеты
И наблюдать, как стелется трава
По следу уже выросшего сына,
И внуку, по законам старшинства,
Страсть передать к отеческим равнинам.

Пока у очага звенит струна,
От холода спасая и от мрака,
Заходит солнце, но встаёт луна,
И род живёт под кругом шанырака.

С.Е.

Спешил я, ты опаздывал порой,
мне времени так часто не хватало,
Когда, не торопясь, ты соблюдал
все тонкости и точность ритуалов.

Но всё-таки я понял наконец,
каким бы ни молились мы иконам,
Что степь не переносит суеты
и существует по своим законам.

В степном пространстве некуда спешить,
здесь главное не час, а место встречи,
Подарок, данный Богом, гость любой,
и потому так многословны речи.

Пока идёт неспешный разговор
о прошлом и о жизни настоящей,
Не время запрягать в поход коней
и думать о дороге предстоящей.

Днём раньше или позже караван
поднимется и, следом в след ступая,
Пойдёт под песни, долгие, как путь
от Каспия и до лесов Алтая.

И снова в час рассвета, как всегда,
над древней степью встанет шар багровый,
А жаворонок тихо напоёт
мотив знакомый, но и вечно новый.

А.М.

Как только серый снег на пустыре растает,
а с юга полетят на север птичьи стаи
и станет тошно от рукопожатий липких
и от любой искусственной улыбки,
давай на пару дней сбежим от фальши,
уедем в степь, от города подальше,
как уезжал ещё совсем недавно Саша,
когда терпения выплёскивалась чаша.

Ручей под сопкой памятный разыщем,
костёр зажжём на старом пепелище,
огонь займётся, искрами стреляя,
вокруг же степь от края и до края,

и сверху вечность – звёздная дорога...
Но Сашу взял Господь к себе до срока,
а искры будут подниматься к звёздам, выше,
пусть там, на небе, Саша нас услышит.

Мы задираем в небо головы упрямо,
Мы ищем свою главную звезду.
И рвёмся по ночам из старых лямок,
Но после щуримся устало на свету
И, ослеплённые, бредём, не замечая,
Что рядом, молчалива и грустна,
Ждёт женщина, не звёздная – земная,
Не понимая, в чём её вина.

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Не склонность к переменам
и не дорожный зуд
меня в края иные
настойчиво влекут,
когда, как раб к галере,
прикованный к делам,
я сонный уезжаю
из дома по ночам
через пустынный город
в потрёпанном такси
к вокзалу, над которым
звезда дорог висит.
В вокзальных лабиринтах
то душно, то сквозняк,
вдыхаешь спёртый воздух,
не выдохнешь никак,
и вдруг в тиши тревожной,
где слышен сердца стук,
невнятный громкий голос
взрывает немоту,
кричит про скорый поезд,
затерянный в степях,
вновь замирают тени
от стрелок на часах...
Вот чем бы ни блазила
попутная звезда,
прошу, пусть Бог отменит
ночные поезда.

Суета, текучка, будни.

Пресно и однообразно
жизнь ползёт, но ты упрямо
ждёшь небесной благодати,
веришь, что наступит праздник
в день особенный, прекрасный.

Год за годом пролетает,
только не спешит Создатель
подарить кусочек счастья,
да ещё к конкретной дате.

Оглянёшься, Боже правый!
жизнь прошла, одни осколки,
вспомнить нечего... А если
счастье в том, что просто живы:
здесь, сегодня дышишь, любишь
и плюёшь на кривотолки.

Не откладывай на завтра
и не вороши архивы,
научись науке трудной
быть от сущего счастливым,
от весеннего рассвета,
от осеннего заката,
оттого, что ты сегодня
улыбнулась, как когда-то.

Всю жизнь чего-то не хватает
для полного
счастья:
большого богатства, удачи,
карты нужной
масти.
Но говорят, что есть на планете
такие
страны,
где люди от счастья улыбаются
постоянно.
Там счастье возможно
и за умеренную
плату,
надо только добраться
до островов
Вануату.
Подчиниться магии
колдовства и
ритуалам
и научиться наконец
довольствоваться
малым.

ДОРОГА НА ЭКИБАСТУЗ

Уже не жить спокойно нам,
коль ритм выдерживая строго,
пространство режет пополам
степная узкая дорога.

И эта чёрная змея,
переметаемая снегом,
реальный признак бытия,
единственный под этим небом.

Туманно-снежные миры,
где силуэтами вдоль трассы
молчат до утренней поры
заснувшие в пути Камазы.

Легко забыто, что в ночи
нас сонных выгнало из дома,
а за рулём Харон молчит,
дорога лишь ему знакома.

И нет обратного пути
из белого ночного ада...
Пусть не доехать, доползти,
но утром быть на месте надо.

Так что ж такое в нас осталось,
в седых, морщинистых – усталость
нерастворённого осадка
от жизни кисло-горько-сладкой,
смесь суеверий и привычек,
зарубцевавшиеся шрамы
от битв или семейных стычек,
от прошлого стыда и срама.
Ошибки, неудачи, взлёты –
всё перепутано местами,
сегодня ангел, завтра чёрт ты,
и нет арбитра между нами.
Между границей тьмы и света
друг предал, но пройдёт и это.

Давно уже замкнулся круг
и впереди – одни повторы:
то примирения, то ссоры,
но много ль времени, мой друг,
отпущено? К чему раздоры,
коль в длинном перечне имён
всё меньше остаётся близких,
зато переполняет списки
имён ненужных легион,
и клерк боится наши риски
застраховать – белы виски...
Всё было, мало что осталось,
страшна уже не то чтоб старость,
а неурочные звонки.
Давай хранить же эту малость
и соблюдать простой закон:
прости и будешь сам прощён.

Пока работа – лучший лекарь,
Пока в судьбе пора удач,
И хоть знаком уже аптекарь
И беспокойно спит палач,
Нам о болезнях не пристало,
Ещё есть над собою власть,
И сделано ещё так мало,
Чтобы до срока в дряхлость впасть.

День сжат, спрессован до предела,
И дело погнало плетью,
Но в суматошной круговерти
Так время мчалось и летело,
Что без руля, ветрил, весла
Стихия суеты несла...
День догорел – одна зола.
Март. Первое число. Весна.

“КАЧАЮТСЯ ТРИ ПАЛЬМЫ ЗА ОКНОМ...”

Давно железные дороги
Не вызывают интереса,
Но раньше их порядок строгий
Был индикатором прогресса.
Никто не отступал от правил,
Лишь стрелочник по знаку свыше
Маршруты направлять был вправе,
И только он, никак не ниже.

Как у начальника вокзала
Блестели на груди медали,
Как чинно публика гуляла
И грохотала сталь по стали.
В вагоне за стаканом чая
Избранники дороги дальней,
Своё значенье обсуждая,
Гордились явно им иль втайне...

Вдруг с грустью вспомнишь о далёком,
Когда внизу земля под нами
И каждый дремлет одиноко,
Пристёгнутый к судьбе ремнями.

Сигнальные огни последнего вагона
Сверкнули и навсегда исчезнут в ближней мгле,
От любовных сквозняков пустынного перрона
Ничто в тот миг уже не спрячет на земле.

И не люблю, когда аэропорта двери,
Смыкаясь за спиной, мир делят пополам:
На тех, кто долго ждёт и в возвращенье верит,
И тех, кого судьба несёт по небесам.

Мне так не по душе, когда по стенке серой
От борта корабля бьёт с грохотом волна...
За эту жизнь не раз хлебнул я полной мерой
Солёного от слёз разлучного вина.

Но вскидываю вновь в прощальном жесте руки,
Как видно, ничего нам не дано сберечь.
Нет в жизни ничего бессмысленней разлуки,
Безумнее лишь лёд совсем ненужных встреч.

У нас буран, дороги замело,
И ветер провода рвёт на опоре,
Но вспомним о тебе – и нам тепло,
А как у вас на Средиземном море?

Всё дома хорошо, но иногда
Вздыхает мать, грустит она немного,
Но внук спасает от хандры тогда,
Ведь он же на неё похож, сй-богу.

Мы жили – не о чем жалеть,
и нам казалось: нет той силы,
чтоб разорвала, растащила,
но закрутило в круговерть.
Где выбросит, в какой земле
зацепишься и пустишь корни
или от призрака погони
рассеешься в туманной мгле?
Кого-то вывезет удача
и положенье нужных звёзд,
а кто-то в мире прежних грёз
останется, о прошлом плача...
Хоть жизнь, бессмысленно смеясь,
и гнёт и ломит как попало,
но нас осталось слишком мало,
пусть не порвётся наша связь.

Гонимые тщеславьем иль пуждой
в водовороты неизвестной жизни
упрямо увлекаем за собой
зависимых от нас и самых ближних.
Не занимать уверенности в том,
что движимы рукою провиденья
мы жертвуем насиженным гнездом,
не замечая страха и смятенья
и горестных морщинок на челе,
жизнь эту подаривших нам когда-то,
приросших к скудной, но родной земле,
их корни глубоки и узловаты...
Уже подсчёт закончен багажа,
команды на посадку ждёт старуха
на груди скарба, губы скорбно сжав,
в глазах её тоска, беда, разруха.
Но выбран окончательно маршрут
и некогда задуматься о прочем:
ведь старые деревья не растут
в чужой, пусть благодатной почве.

От Мусорных ворот немного вправо
и повернуть ещё наискосок...
Здесь и была последняя облава,
оставшихся погнали на восток,
на север, юг, в каменоломни, в гетто,
на крест, в огонь, на пытки, на убой –
рассеются, исчезнут, канут в Лету,
но выжил мой народ, коль я живой.
Беда, что о своих немного знаем:
во рвах, под пеплом скрыты имена...
Вернулся я в исток, в Ерушалаим,
и сердце сжалось: вот она, Стена.

Бывший профессор и бывший полковник,
Волею судеб сантехник и дворник,
Спорят, ссылаясь на факты и даты,
Так же, как дома на кухнях когда-то,
Ссорясь, смеясь и о родине плача,
Судьбы свои представляли иначе.

Пусть нет на карте предмета их спора,
Вряд ли они успокоятся скоро,
Если в сердцах сохранилась держава,
Даже не поступь её или слава:
Встречи, прощания, книги, основа,
Почва, могилы, общение, слово
И ощущение бескрайних пределов,
Но разобщённость мечты и удела.

Знают, едва ли признаются оба:
Там не нужны, да и здесь не особо,
Бывший полковник и бывший профессор,
Ранее интеллигент и агрессор,
Держатся, словно за якорь, за дружбу,
В Хайфе неся коммунальную службу.
Верят, упрямо скрывая обиды,
Выпадут внукам иные планиды.

Качаются три пальмы за окном,
И слышен постоянный гул прибора,
Хоть толща туч пропитана свинцом,
Но изредка мелькает голубое,
Не то чтобы штормит, но нет покоя
Ни в море, ни в душе, и кажется тогда,
Так временами ветер странно воет,
Что миг всего до Главного суда...
И, может, потому, само собой,
Из времени бегущего потока
Волною набегают за волной
Воспоминанья юности далёкой...

Рождённому в глуши провинциальной
И от столиц и от морей вдали
Казалось, что моря и корабли –
Свободы верный признак и реальный...
С наивной верою промчались годы,
Ну, вот и море, лишь подать рукой,
Но только оказалось – до свободы,
Как в юности, всё так же далеко.
А видно, нет её и в дальних странах...
Коль сердцу больно и душа горит,
Свобода – не в морях и океанах,
И в прошлом и сейчас – она внутри.

“МЕЖДУ ПОЛЁТОМ И ПАДЕНИЕМ...”

Разнообразным зазывалам,
когда зовут за облака,
не верь, солгут наверняка,
для жизни воздуха там мало
и нет опоры. Сквозь просветы
Земля мелькает иногда,
и постоянно холода
терзают спутников планеты
за право вплоть до самой смерти
глядеть на Землю свысока...
Не улетай за облака,
останься на привычной тверди.

Когда подносит плавно рамку он к губам,
сдувая осторожно радужную плёнку,
светло и радостно в душе поёт труба,
а мысли сами улетают вслед, вдогонку
за переливчатыми гроздьями шаров,
легко плывущих в окружающем пространстве
и разрушаемых по прихоти ветров,
но вновь рождаемых, и в этом постоянстве
есть смысл глубокий непрерывных перемен
и эфемерности гармонии недолгой
на фоне жизни, предлагающей взамен
обыденность труда и прозу чувства долга.
Лететь без всяких обязательств, то быстрее,
порою медленней, притягивая взгляды...
Не потому ли мастер мыльных пузырей
любим народом и ему повсюду рады?

ИГРОК

Нет времени сеять и строить упорно,
и сил собирать урожай – тоже нет.
Глупец лишь судьбе подчинится покорно,
когда светит фарта заманчивый свет,
поставь только фишку на цифру, на цвет...
Иль выжди, чтоб карты метнули иначе,
рискни, и на блефе порою везёт:
всего-то и надо – немного удачи
и знать её замысел или расчёт,
тогда обеспечен желанный исход...
И гонит азарт игрока по планете
за лёгкой добычей и сводит с ума.
Обходит удача дырявые сети,
а утлый корабль разбивают шторма,
и грубо плечо натирает сума.

Играя собственной судьбой,
С землёю связан только тенью,
Мелькнул планёр над головой,
То ли в полёт, то ли в паденье.
Ведомый опытной рукой,
Он всё равно игрушка рока,
Сильнее опыта такой
Диктат воздушного потока.
Не падай, воспари, восстань,
Одoleвая тяготенье,
Поймай единственную грань
Между полётом и паденьем.

Жив храм науки до тех пор,
Пока под сенью Аполлона
Пытливый ум вступает в спор
И не склоняется у трона.
Пока умение учить
И научиться не убито,
Пока душа его открыта,
До той поры храм будет жить.

Сомнение – вот бог и чёрт,
Оно безудержно влечёт,
Опровергая постулаты,
И все творцы – его солдаты;
Дитя греха и искупленья,
Мотор всемирного движенья,
Но неизменна на века
Категоричность дурака.

Специалист подобен флюсу,
но кругл и гладок дилетант,
чтоб отвечать любому вкусу,
совсем особый дан талант.
Ему легко без груза знаний,
крылата мысль, ум свеж и чист,
тем более на случай крайний
в запасе есть специалист.

На благородной ниве знаний
Повырастало столько дряни —
Сорняк разросся пышным цветом
И губит он живое, в этом,
Возможно, почва виновата
Иль агрономы староваты,
Но плодородной нивы знаний
Нет больше, есть же поле брани,
Где в битве пали педагоги,
А победили демагоги
И триумфально правят балом,
Мысль задушив бумажным валом.
Ведь некому засеять поле
В тисках тотального контроля.

Господин К. бесстрашно готов
Всё отдать ради стоящей цели,
Что бы под руку там не скрипели
Низвергатели твёрдых основ.
Безупречно он служит Мамону,
С той же страстью и пылом души,
Как недавно усердно служил
Совершенно другому закону:
Был товарищем К., и всегда
Ненавидел тельца золотого,
И цитировал каждое слово
Из великого Маркса тогда.

ЧУЖОЙ

Нет рвов, не мешают заборы
Попытке движенья вперёд –
Шагни, но коль нету опоры,
Провалишься в бездны пустот.

Призывно парадные двери
Сверкают, однако войдёт
Не тот, кто делами проверен,
А знающий правильный код.

В отчаянье бейся об стены,
Упорно копай тайный ход,
Безропотно жди перемены,
Когда твой наступит черёд...

Бессмысленно вязнет всё в вате,
Стоит неприсутпно оплот.
И лозунг один на плакате:
“Чужой здесь вовек не пройдёт”.

Все войны начинаются со слов,
Манящих и баранов и ослов
На поле героическое брани
За право париться в кровавой бане
И убивать назначенных врагов,
Коль не убьют враги чуть раньше сами.

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ

1

Покуда доносительство в чести,
Подмётному письму хоть капля веры,
Подонкам – размножаться и цвести,
И нет для них прекрасней атмосферы.

2

Такая, стало быть, пора:
Нет ничего страшней пера.
Вот, например, могучий враг –
И не сдаётся он никак,
Его – на зуб, его – на звук,
Нет, не берётся на испуг,
Но капнут пару раз пером –
И делать нечего с врагом.

Когда гранатою ручной
взрывается мадам, рыдая, –
сейчас же, здесь, любой ценой –
причина может быть любая.
Не уподобься храбрецу,
что закрывает амбразуру,
и не высовывайся сдуру,
так должно поступать юнцу.
Иное дело ветеран,
его заслуженные шрамы –
свидетельство великой драмы,
и переждёт он ураган.
Когда же кончатся снаряды,
из-под обломков бывших стен
он встанет, отряхнёт награды
и побредёт сдаваться в плен.

Как от падения осколка
срывается поток лавины,
и плодородные долины
опустошаются надолго,
так разрываются сердца
от незаметного укола,
и в них безжизненно и голо,
и бесприютно до конца.

Добро не сила, и добром
нельзя рубить, как топором,
нельзя построить крепкий дом,
добыть нельзя его трудом,
нельзя купить, нельзя продать,
а можно только предавать.
Не требуй в плату за добро
не злато и не серебро,
добром, как воздухом, дыши,
другим отдать его спеши.

Услышать хочется порою
в нестройном хоре голосов
не истину с усмешкой злою,
не скрип аптекарских весов,
определяющих до грана
соотношение заслуг
и дел, проваленных бездарно,
но похвалы приятный звук.
И привыкаешь постепенно
воспринимать один елей,
не вырваться душе из плена,
лесть её душит всё сильней.
Вот дифирамб уже пропели,
и льётся в уши фимиам...
Не дай же Бог на самом деле
поверить сладким голосам.

Лучше всё же быть пушинкой,
 что несёт по свету ветер,
Чем замшелым, вросшим в землю
 камнем посреди дороги,
Каждый пешеход, споткнувшись,
 его громко проклиняет,
А пушинка не мешает
 никому на этом свете,
Если вдруг щеки коснётся,
 то случайно, на мгновенье,
И опять её уносят
 вдаль воздушные потоки.
Правда, камень долго помнят
 и обходят стороною,
От пушинки незаметной
 и следа не остаётся.

*

Друзья ушли в приятели,
А кое-кто – в предатели,
Сейчас не время верности:
Переоценка ценностей.

*

Настало время, и в любой момент
возможно, ни о чём не беспокоясь,
забыть про этот странный рудимент –
его когда-то называли совесть.

*

Добро как категория
Сегодня – аллегория.

*

Достоинство сейчас не атрибут культуры,
Но самый главный признак денежной купюры.

*

На земле потепление – глобальное,
В душах обледенение – тотальное.

*

От встречи яростного пламени и льда
На свет является лишь грязная вода.

*

По пояс оказавшись в луже,
Возрадуйся: могло быть хуже –
Есть лужи и грязней, и глубже.

ПЕНОРОЖДЕННЫЙ

Удачный отпрыск пены грязной
Возвышен был судьбой мгновенно.
Иссяк источник дряни пенной –
Остался мелкий мусор разный.

*

Сегодняшняя пыль обочин,
Обломки, мусор и стекло –
Потом составят, между прочим,
Эпохи сей культурный слой.

*

Дует ветер, ветерок,
крутит, вертит флюгерок.
Что тому до перемен –
к ним готов в любой момент.
Покрутился на веку,
потому и наверху.

*

Зря карабкался вверх и боролся за приз –
Понимаешь в тот миг, когда падаешь вниз.

*

И первых и последних бьют едино,
Не клята и не мята середина.

*

Попал в фавор или в опалу у сатрапа:
Ты всё равно зажат в его железных лапах.

*

Уже привыкли петь осанну,
Но не за святость, а по сану.

*

Всю жизнь решаешь сверхзадачу:
Быть впереди и на свету,
Когда идёт наград раздача,
И ловко скрыться в темноту,
Коль замаячит неудача.

*

Твой жизненный девиз таков:
“Готов всегда, на всё готов”.

*

Стремишься всюду быть первее первого,
Правее правого, левее левого.

*

Марки, фантики, картины —
собирают всё подряд.
У тебя своя есть ниша:
собираешь компромат.

*

Глашатаи эпохи —
Шуты и скоморохи.

*

У правды тяжела рука,
А ложь округла и легка.

*

Страсть неуёмная и к фауне и к флоре —
От одиночества бескрайнего и горя.

*

Собак боготворил и славил,
А на людей весь век свой лаял.

*

Людоед сказал с досадой:
“Жалко всех, но жить-то надо”.

*

Если хочешь жить с собой в ладу,
Выбирай по силам высоту.

*

Планку, слишком задирая, не забудь,
Что тогда под нею легче проскользнуть.

*

Уметь по потолку ходить свободно —
Оригинально, только неудобно.

*

Потеря шевелюры, памяти и зрения —
Ещё не всё, что вызывает уважение.

*

Любить себя сегодня вовсе не зазорно,
Но ведь не так же беззаветно и упорно.

*

Зачем же женщине права,
Коль женщина всегда права?

*

Глаза огнём любви горят,
но странно неподвижен взгляд...
Любовь – смертельная забава,
коль ты предмет любви удава.

*

Отдаваясь бурно страсти сладкой,
Требовала каждый раз взамен
Тело, душу, кровь всю без остатка,
Даже в крайнем случае из вен.

*

Там силикон, здесь визажист поможет ловкий,
И вот уже готов к употреблению
Конвейерный продукт в стандартной упаковке,
И вкус его стандартен, без сомнения.

*

Стал в нашем возрасте привычной нормой
Разрыв меж содержанием и формой.

*

Только на краю обрыва
Понимаешь ясно:
Жизнь, увы, несправедлива,
Но всегда прекрасна.

*

Когда покажется однажды:
Прекрасен мир вокруг и светел,
Ушли и осени, и зимы,
Нет чувства голода и жажды,
Желания все исполнимы...
Подумай, на каком ты свете?

“И КРУЖИТСЯ НЕМНОГО ГОЛОВА...”

Я долго ждал и терпеливо,
вот так в пустыне ждут погоду,
где даже с облаком ленивым
порой не встретишься по году,
и, кажется, уже дотла
всё на и под землёй сгорело,
и нет той силы, чтоб смогла
вдруг оживить земное тело,
но землю напои водой,
и то, что было только прахом,
прорвётся, прорастёт травой
нетерпеливо и без страха
и снова в мрак анабиоза
уйдёт до следующей воды,
в корнях скрывая боль и слёзы,
с земли стирая все следы.

Измерен путь и обозначен,
известен каждый поворот
и что за поворотом ждёт,
но помни, помни об удаче.
Ведь по её календарю
пришла случайная минута,
что жизнь переменяла круто,
её одну благодарю,
когда в иллюзии всезнанья,
вне рамок заданных границ,
из пятен незнакомых лиц
два обретают очертанья.
Ещё неясны все черты,
ещё друг к другу осторожны,
но ход событий невозможно
остановить. Уже есть ты.

Я не умел любить, как ты,
Не требуя любви ответной.
Я был уверен: чувство смертно,
А дальше призрак пустоты.

Я не умел любить, как ты.
Лишь оттого, что было страшно
Оставить островок вчерашний,
Не мог переступить черты.

Я не умел любить, как ты.
Мне было просто одиноко,
И ветер дул холодный в окна,
И захотелось теплоты.

Я не умел любить, как ты.
Но я, тобой замороженный,
Любил, но только отражённо.
Я не умел любить, как ты...

Прости за всё, что не сбылось,
За то, что будто получилось,
За необузданную злость
И унижающую милость.
За равнодушие прости,
А за навязчивость – тем паче,
Когда я на твоём пути
Порой назойливо маячил
И вовремя не уходил,
Неловко перекрыв дорогу.
Прости, коль был тебе не мил,
Или оставь прощенье Богу.

Любовь кончается, как год:
декабрь – и пала ночь,
любви безудержный исход
ничем не превозмочь.

Дождись прихода января,
тогда спасёт от тьмы
морозоликая заря
заснеженной зимы.

Найдёт забвение душа
в метелях февраля,
что бешено летят, кружа,
на белые поля.

И сердце обретёт покой
холодной пустоты,
коль смоем мартовской водой
все прежние черты.

В апрельский бурный ледоход
очистится душа,
и новая любовь придёт,
взволнованно дыша.

А майский гром перечеркнёт
декабрьскую стынь,
освобождая жизнь в полёт
от пустоты пустынь.

Меня кружила суета земная,
а на ладонь вспорхнула бабочка случайно,
на миг, на час, на день — увы, не знаю,
но и она мне не открыла этой тайны.
Конечно, улетит она, но, Боже,
прошу тебя, пусть это будет позже.

Свидание в заброшенном саду
назначь и не справляйся о причинах,
на пару мы с тобой побродим чинно
и подойдём к заросшему пруду.

Спешить не будем, трудно на бегу
увидеть даже крупные детали,
да и бежать, похоже, мы устали,
что ж, просто посидим на берегу.

Чуть пожелтела мятая трава,
усыпана листвой полоска ила,
как незаметно осень наступила,
и кружится немного голова.

“ВДОХНУТЬ ЧЕРЁМУХОВЫЙ ДЫМ...”

Сжимает сердце от чего-то,
Когда кровавая заря
Встаёт в разгаре октября
В предвестье птичьих перелётов.

В пронзительных протяжных звуках
Сквозит осенняя печаль:
Как с летом расставаться жаль,
Но обязательна разлука.

Пусть взгляд скользит по многоцветью,
Но ярких красок разнбой
Уже пронизан желтизной,
И с этим дальше жить на свете.

И кажутся небесной манной
Короткие часы тепла,
Когда бы осень ни пришла,
Она приходит слишком рано.

Первых снежинок стая
кружится в танце белом,
тает, не долетая
до земного предела.

За ночь схватятся лужи
полупрозрачной плёнкой,
зябко земле от стужи,
мёрзнет под кожей тонкой.

Ждёт не дождётся снега,
чтоб в любые морозы
о весенних побегах
наплывали бы грёзы.

Пусть будет небо хмурым,
но под шубою снежной
зимние увертюры
убаюкают нежно.

Выйдешь на крылечко в ранний зимний вечер,
Хлопья снега плотно облепляют плечи,

Звёздами ночными фонари мерцают,
И к руке снежинки прикоснувшись тают.

Тишина, безлюдно и светло от снега,
Отдышись немного от дневного бега.

Как в последнем танго, кружатся снежинки,
И знакомой больше не найти тропинки.

Между есть и было – зыбкая граница:
То ли потеряться, то ли заблудиться?

Выдох, вдох глубокий – и от всякой пены
Очищает душу холодок мгновенно,

От ненужной злости и от кривотолков,
А тропинку снова протоптать недолго.

Уходишь по утрам – темно
и возвращаешься в потёмках,
а днём сквозь мутное окно
глядишь с надеждой в небо, но
стоит перед глазами плёнка,
мир искажая всё равно.
Под гнётом серого ярма
теряют в росте ежедневно
деревья, старые дома,
лишь лёд растёт. Сойдётся с ума,
коль не наступит перемена.
Как долго тянется зима...

После бурана – утром тишина,
снег первозданно чист;
 глотнёшь, смакуя,
морозный воздух, свежая волна
оставит на губах вкус поцелуя.
И хочется дышать до хрипоты
флюидами пока неуловимой
весны. Ещё желания просты,
и потому всё в жизни достижимо.
Покуда не затоптаны снега,
нет на сугробах чёрного налёта,
пружиниста походка и легка
и ощущаешь холодок полёта.

Ушла зима, опустошив до дна,
но радуется, что в близком круге живы.

Я жадно у открытого окна
ловлю мотивы

так долго ожидаемой весны
с её привычным сочетаньем звуков,
в которых нет эффектов новизны,
что режут ухо.

Простые ноты: шелестит листва,
мяукает на дереве котёнок,
метлою дворник, шевеля едва,
метёт спросонок.

Вновь белоснежно яблоня цветёт,
а ветерок, беспечный, но упрямый,
срывает цвет и бьёт о переплёт
оконной рамы.

И, опасаясь резких перемен,
без всяких доказательств верю слепо,
что ничего не надо мне взамен
весны и неба.

Взглянуть на мириады звёзд,
услышать шорохи берёз.

Продрогнуть в дождь и на ветру
и жажду утолить в жару.

Увидеть внука первый шаг,
поговорить с ним, не спеша.

Вдохнуть черёмуховый дым
и быть среди живых живым.

УТРО В ГОРАХ

Шепнёт кто-то сверху, когда
вокруг в полном мраке всё тонет,
но гаснет ночная звезда
на тёмном ещё небосклоне.

Вставай, не буди, ни к чему
тревожить усталых соседей,
не нужен второй или третий,
доверено лишь одному

увидеть, молчанье храня,
в тянь-шаньском весеннем предгорье,
как небо, с вершинами споря,
бледнеет в предчувствии дня.

Как рвутся из чрева земли
молочные зубы дракона,
грызущие просинь упорно,
сверкая снегами вдали.

Бесшумно летит первоцвет
с заснеженных гор или с вишни,
касаясь ладоней. И нет
нежней ничего в этой жизни.

Я не верил долго в инопланетян:
что им делать на чужой планете,
где уже с утра бензиновый туман
разгоняет над землёю ветер
и дымами разноцветными восход
разукрашен так, что меркнет солнце,
в маслянистых пятнах гладь озёрных вод,
красные дожди, уран да стронций?..

Веры не было, пока июльским днём
не обжёт бы солнечным ударом
диск подсолнуха, мерцающий огнём
между мостовой и тротуаром.

Инопланетянин!.. Ни клочка земли
нет под ним, дрожит на тонком стебле,
задыхаясь в придорожной он пыли,
зову солнца по привычке внемлет.

Сумасшедший шмель жужжит, ползут жуки,
дети засмеются, взглянет странник,
как цветёт паперекор и вопреки
хрупкой жизни солнечный посланник.

Своих желаний ненасытных инструменты,
рабы и господа свершившихся реформ,
мы души наши превратили в рудименты,
чтоб не туманили тоской бесплодной взор:
смешны эмоций старомодных сантименты,
поскольку кожу не пробить уже в упор.

Такие времена, что правит бал утроба,
ненужная в делах ссыхается душа,
и, ожидая день всемирного потопа,
ковчег свой мизантроп строгаёт не спеша,
его небесный глас предупредит особо,
распишет вплоть до миллиметра каждый шаг.

У грешников земных стезя совсем иная:
в погоне долгой за придуманной звездой,
давно привычный жёсткий ритм перебивая,
легко ломая клетку логики стальной,
прорвётся где-то в глубине вдруг мысль
шальная –
уйти в безлюдный лес заросшею тропой.

Упасть в упругий мох и на примятом ложе,
возможно наяву или в глубоком сне,
услышать треск сухой бронёй покрытой кожи,
сползающей чулком в безлюдной тишине.
И вновь душе легко и в жизни всё быть может,
но только в этот миг ты вспомни обо мне.

Скрывалось плавно солнце за холмами.
Стих ветер. Тишина. На зеркало воды
легло дорожкой золотое пламя
к другому берегу – пристанищу мечты.
Там хорошо: темнеющие рощи,
дразня, манят к себе в прохладу и покой,
где нет проблем, а если есть, то проще
небрежно и легко на них махнуть рукой.
Заснуть на берегу в тени сосновой,
чтобы теплом нежно скользящего луча
потом быть пробуждённым к жизни новой
и жажду утолить водою из ручья.
Ещё есть шанс, но держат узы прочно...
Не выдержал один, сам чёрт ему не брат,
и он поплыл уверенно и точно
по узкой солнечной дорожке на закат.

ПАРИЖ

Порою кажется: привиделось во сне,
но точно зафиксирована дата –
на башне Эйфеля вдруг ожили во мне
страницы книг, прочитанных когда-то.

Я видел сверху в лёгкой дымке скаты крыши,
пусть даже ощущая себя вчуже,
вслух повторял: Монмартр, Конкорд, Париж,
грассируя смешно и неуклюже.

В разноголосице наречий разных рас
я узнавал знакомые названья:
Луксор, Сорбонна, Лувр и Монпарнас,
звучавшие как первые признанья.

Легко от воздуха парижского в душе,
и город стал всего на день, но ближе,
но было жаль, что никогда уже
не окажусь я первый раз в Париже.

Конечно, по желанию Исиды
Сам беспощадный Хронос благосклонно
Оставил на планете пирамиды
Под стражей Сфинкса зоркой и бессонной,
А остальное в хаосе бездонном
Исчезло, и следы давно забыты.

“Да, время пирамиды победили,” –
Так говорил мне в Гизе египтянин,
Закрывшись куфией от серой пыли...
Но каждый камень ветрами изранен,
Песком пустыни все затёрты грани:
Хамсин – вот кто бессмертен и всемогущ.

Едва повеет пряным запахом сандала,
меня уводит сразу память в странный мир,
где смотрят в небо минареты Тадж-Махала
и улыбается загадочно Лакшми,
блаженство обещая и удачу,
неважно – в этой жизни или же в другой,

поэтому никто здесь не заплачет
над умирающим на грязной мостовой.
Танцует кобра, истекая ядом,
и нет отбоя от голодных обезьян.
Лачуги и дворцы – всё это рядом,
богатый, нищий и великий Индостан.

Святых, авантюристов и поэтов
всегда влекла страна, ведь в ней богов не счесть.
И если рай возможен на Земле, он здесь,
но ад, похоже, тоже рядом где-то.

Что сухопутные границы
или морские рубежи
для высоко летящей птицы,
коль птицам мир принадлежит?
Они не чтят столб пограничный,
контрольно-следовых полос,
поскольку есть у них свой личный,
невидимый воздушный мост.
Ни декларации, ни визы,
ни обязательств пред страной,
не нужен, наконец, им вызов,
вот только б порох был сырой
в ружье охотника, который
триумфа терпеливо ждёт,
надеясь, что наступит скоро
птиц непокорных перелёт.

С.

И вновь я собираюсь за границу.
Ты говоришь: “Пора остановиться,
Подумать о покое и достатке,
Сажать плоды полезные на грядке,
Построить крепкий дом и жить степенно,
Жить по-иному – суета и пена.
Давно пора смотреть на жизнь серьёзно...”

Совет полезный, только слишком поздно,
Коль главное богатство нажитое –
Фигурки за стеклом и всё такое:
Бастет, Лакшми, коралл из океана,
Керамика земли обетованной.

Что в памяти осталось – не пропало,
И знаешь, нет надёжней капитала.
Истлело и забыто остальное,
А то, что видел, до сих пор со мною.

“КОГДА ВЛЕЧЁТ НЕОТВРАТИМО
ПРОСТРАНСТВО БЕЛОГО ЛИСТА...”

Уже никто не помнит точно год и век,
когда воитель понял: меч обманет,
что в отстранённой тишине библиотек
бессмертие, а не на поле брани.

Металл не вечен, он ржавеет всё равно,
тускнеет серебро и жемчуг тоже,
но строчки в книгах, как хорошее вино,
становятся со временем дороже.

С тех пор хранители, свидетели судеб,
исчезнувших, возникших, необычных,
нелёгкий честно зарабатывают хлеб
и пыль стирают с корешков привычно.

Б. П.

Лукавство прячется в словах,
их часто смысл неоднозначен,
открыта музыка одна,
и слушают её иначе.

Немногословен музыкант,
пустого не проронит слова,
всё скажет музыка одна,
она сама первооснова.

Упрямо жизнь ломает нас,
обманывает или душит,
способна музыка одна
утешить бескорыстно души.

Нет соразмерности вокруг,
разлад преследует всё чаще,
и только в музыке одной
гармония непреходяща.

По-разному звучат слова
и речи каждого народа,
свободно музыка одна
обходится без перевода.

Ну, так играй же, музыкант,
ночной порой и утром ранним
звучит пусть музыка одна,
и, может, мы чуть лучше станем.

Последняя осенняя листва
летит под соло саксофона,
ты увлечённо говоришь, хотя
произносить какие-то слова
бессмысленно и нет резона:
всё поглотится музыкой дождя.

Как просто оказаться разом
одним на свете сиротой
перед внезапной пустотой,
но быть частицею экстаза,
его молекулой простой,
плечом к плечу в порыве общем,
вздымая руки к небесам,
не веря мудрым голосам,
казаться преданней и проще,
чем есть на самом деле сам.

Нет, лицедейское искусство
познать не каждому дано,
и ощущаешь лишь одно
рождённое за годы чувство:
пусть будет то, что суждено.

Шумят леса от севера до юга,
Покачивая ветками упруго,
В чём и твоя немалая заслуга.

Ты не писал романы и сонеты,
Симфонии, рапсодии, портреты
И даже не пытался делать это.

Не сотворил ни оперы, ни драмы,
Бумаги сэкономил килограммы
И множество деревьев спас тем самым.

Соблазну не поддался муз коварных,
Избавил мир от опусов бездарных,
И все тебе премного благодарны.

Т.

Ты сказала, что в жизни
нету места стихам
и поэт – это лишний
человек, пополам
рвущий душу, опасно
отвлекая народ
от трудов ежечасных,
от реальных забот.
В век компьютерной гонки
и глобальных идей
ни к чему голос тонкий
одиноких людей.

Надо жить с целью ясной
по законам земным,
а не верить напрасно
в ускользающий дым
слов красивых иль горьких,
в их волшебную нить,
что разъятые дольки
может соединить...

Да, не может, пожалуй,
лишь имеющий слух
кожей ритм в речке шалой
и мелодии звук
ощущает и слышит,
и в синкопе времён
он гармонией дышит,
коль искра божья в нём,
пусть мерцая неярко
сквозь кромешную тьму,
сохранилась. И жарко
на душе потому.

Т.Е.

Когда на крыльях слов певучих
Легко взлетает над планетой
Дитя весны, сестра рассвета,
Что ей дожди, снега и тучи
И всё, чему жизнь нудно учит.

Ещё не наступило лето,
Но столь нежданное тепло
Надолго на сердце легло.
Я благодарен Вам за это.

САДОВНИК

И.В.

Растить цветы – нелёгкая стезя,
они свои секреты держат в тайне:
капризны, своенравны, и нельзя
их победить упрямство силой знаний,

подвластны лишь канонам волшебства.
Едва заря взойдёт над садом сонным,
нашепчет маг заветные слова –
и расцветут пурпурные бутоны.

Когда достигнет тонкий аромат
небесных сфер, то сверху серафимы
опустятся неслышно в этот сад
дыханьем ветерка неуловимым.

И, не спеша, положат на весы
эгоцентризм цветов, характер склочный,
но перевесят капельки росы
на совершенных лепестках цветочных.

Вот потому от утренней зари
до поздней ночи трудится садовник
и сдержанно судьбу благодарит,
не замечая стёршихся ладоней.

Э.З. Белицкой

Писать о вечном и простом,
бесстрашно обнажая душу,
лист заполняя за листом,
в безмолвии, ещё пустом,
ждать, пока вырвется наружу
строфа и властно поведёт
сквозь бытовые передраги.
Душа и стонет, и поёт –
любовь, разлуку, жизни ход
расплёскивая на бумаге.

Когда влечёт неотвратимо
Пространство белого листа,
Суть этих помыслов проста:
Невидимое сделать зримым.

Пусть жизни след и отпечатки,
Эмоций жар и мыслей лёд
Бумага до конца вберёт,
Но сохранит лишь суть в остатке.

Пиши, чудак, смеясь и плача,
Вдруг тихо зазвенит одна
Тобой задетая струна –
И значит выпала удача.

Считай не годы, а дороги,
речушки, пройденные вброд,
с их родниковой стынью вод
и тропы через гор отроги.

Считай не годы, а друзей
и вспоминай всех поимённо,
храни их в памяти влюблённо,
как исторический музей.

Считай не годы, а труды
за необманчивую ясность,
не за всеобщность, а за частность,
но частность дорогой руды.

Не надо счёт вести годам,
ведь это дело камнереза –
через тире две даты врезать,
пой, зная, не поётся там.

Поверить, что предрешиено,
Как в самом деле получилось,
Благодарить судьбу за милость,
Смотреть в открытое окно
И пить во здравие вино
Или микстуру по рецепту,
Коль так предписано врачом.
Жалеть не надо ни о чём,

Пока посильно вносишь лепту
В круг жизни и своим плечом
Касаешься плеча другого,
Смеяться и грустить дано,
Грешить и ошибаться снова
И греться от тепла живого...
Пока распахнуто окно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Иосифа Брейдо “В синкопе времён” задумана как избранное. В неё вошли стихи из книг, напечатанных автором ранее: “Метки и осколки бытия...” 2002, “Наворожи, гадалка, нам...” 2004, “Дорожная молитва” 2006, “Когда бы осень ни пришла...” 2010 и несколько новых стихотворений.

Жизнь и поэзия для Брейдо неразделимы. В книге сжат, до предела спрессован и переплавлен в стихи весь жизненный опыт автора: детство в семье военного врача, исколесившего вместе с семьёй весь Советский Союз, учёба в электротехническом институте в Ленинграде, офицерская служба на Тихоокеанском флоте, работа как единственное условие человеческого существования, карагадинская земля, которой отданы все лучшие годы и силы, служение науке, руководство кафедрой, преподавание, студенчество, любовь, дружба, семья и всё, что является целительным для души, — природа, путешествия, книги, музыка, поэтическое слово...

Жизнь и судьба лирического героя книги “В синкопе времён” неразрывно связана с жизнью и судьбой целого поколения, рождённого в первые годы после Великой Отечественной войны, на долю которого, как и на долю любого поколения, выпали свои испытания — в данном случае разлом времён, глобальные общественные катаклизмы, уже осознанный выбор судьбы, потери и обретения.

Время полностью подчиняет жизнь лирического героя, оно всегда рядом: то сыплется стружкой в песочных часах, то мчится и летит в суматошной круговерти, то резко меняет ритм и увлечает за собой в синкопу времён...

Иосиф Брейдо академик Национальной академии естественных наук Республики Казахстан, доктор технических наук, профессор, изобретатель. Но волею судеб и поэт.

К поэтическому творчеству он относится со всей серьёзностью учёного, во всё пытаясь дойти до самой сути. Поэзия для автора – не эстетское увлечение, позволяющее жить за облаками и посещать Парнас для избранных, а своего рода способ выживания души, её спасение, своеобразный Ковчег; который он сам себе мастерит, упрямо укладывая строчку за строчкой, так и не открыв для себя извечной тайны: почему он это делает? Но делает и всё тут, потому что так устроен, потому что по-другому просто не получается...

Для поэзии Иосифа Брейдо прежде всего характерны сила, глубина и обаяние мысли, часто непредсказуемой и неожиданной; умение каким-то удивительным образом совладать с любыми эмоциями, даже самыми сложными, облекая их в абсолютно точные слова, покоряющие своей искренностью, простотой и ответственностью суетности.

В этой книге – всё о нём, о лирическом герое. Но в то же время и о нас.

Здесь всё правда. Поэтому вовсе не случайно поэзия Иосифа Брейдо завоевывает всё новое пространство, его стихи печатают, читают и перечитывают – в его авторских книгах, в коллективных сборниках: “Я вижу сны на русском языке” Москва 2007, “Сквозь пасленья лет” Караганда 2009, “Антология военной поэзии” Нижний Новгород 2011, в литературных журналах Казахстана и России: “Простор”, “Шива”, “Сибирские огни”, в республиканских и областных периодических изданиях, на разных поэтических сайтах в Интернете: “Журнальный зал”, “Стихи.ру”, “Русская поэзия” и других. Потому что слишком много точек соприкосновения, ассоциаций, которые не могут оставить равнодушными никого из ныне живущих...

А где он более талантлив и останется на долгие годы – в поэзии или в науке – решать не нам, обычно с этим хорошо справляется само время.

Ирина Варыгина

Содержание

“АХ, ПАМЯТЬ, БЕГ ОСТАНОВИ...”

“Сыплется тоненькой струйкой песок...”	5
“Когда идёт игра без правил...”	6
“Полупустынные просторы...”	7
Старый дом	8
Старый артиллерист	9
“Пришла кровавая беда...”	10
“Когда фейерверки гремят над сграною...”	11
“Прошла весна, скользнула мимо...”	12
“Бросает жребий, не спеша...”	13
“Из книги вылетит листок...”	14
“Рок, судьба или случай просто...”	15
“Декабрь, субтропики. Гоа...”	16
“На флоте заведён порядок строгий...”	17
“Он во Вселенной – первая звезда...”	18
“Груз лег и ожерелье званий...”	19
“Сквозь шум дождей...”	20
Пятьдесят	21

“РАБОТАТЬ? НЕТ, ПРОЖИТЬ В РАБОТЕ...”

“Мы дети прошлого. в котором...”	22
Реквием	23
“Наворожи, гадалка, нам...”	24
Моим друзьям	25
“Приходим в мир по одному...”	26
“Средь крупных классов...”	27
“Нарушить слово – проглотить отраву...”	28
Капитан	29
“Наивность юности беспечной...”	30
“В эпоху грязи, липкой и безбрежной...”	31
Инженер	32
“Работать? Нет, прожить в работе...”	33
Городу Караганда	34
После взрыва на шахте	35
Юрта	36
“Спешил я, ты олаздывал порой...”	37
“Как только серый снег на пустыре растает...”	38
“Мы задираем в небо головы упрямо...”	39

Ночные поезда	40
"Суста, текучка, будни..."	41
"Всю жизнь чего-то не хватает..."	42
Дорога на Экибастуз	43
"Так что ж такое в нас осталось..."	44
"Давно уже замкнулся круг..."	45
"Пока работа – лучший лекарь..."	46
"День сжат, спрессован до предела..."	47

“КАЧАЮТСЯ ТРИ ПАЛЬМЫ ЗА ОКНОМ...”

"Давно железные дороги..."	48
"Сигнальные огни последнего вагона..."	49
"У нас буран, дороги замело..."	50
"Мы жили – не о чем жалеть..."	51
"Гонимые тщеславьем иль пуждой..."	52
"От Мусорных ворот темного выраво..."	53
"Бывший профессор и бывший полковник..."	54
"Качаются три пальмы за окном..."	55

“МЕЖДУ ПОЛЁТОМ И ПАДЕНЬЕМ...”

"Разнообразным зазывалам..."	56
"Когда подносит плавно рамку он к губам..."	57
Игрок	58
"Играя собственной судьбой..."	59
"Жив храм науки до тех пор..."	60
"Сомнение – вот бог и чёрт..."	61
"Специалист подобен флюсу..."	62
"На благородной ниве знаний..."	63
"Господин К. бесстрашно готов..."	64
Чужой	65
"Все войны начинаются со слов..."	66
Тайное оружие	67
"Питать надежды на февраль – самообман..."	68
"Когда гранатой ручной..."	69
"Как от падения осколка..."	70
"Добро не сила, и добром..."	71
"Услышать хочется порою..."	72
"Лучше всё же быть пушинкой..."	73
"Друзья ушли в приятели..."	74
"Настало время, и в любой момент..."	74

“Добро как категория...”	74
“Достоинство сейчас не атрибут культуры...”	74
“На земле потепление – глобальное...”	74
“От встречи яростного пламени и льда...”	75
“По пояс оказавшись в луже...”	75
Пенорождённый	75
“Сегодняшняя пыль обочин...”	75
“Дует ветер, ветерок...”	76
“Зря карабкался вверх и боролся за приз...”	76
“И первых и последних быют одно...”	76
“Попал в фавор или в опалу у сатрапа...”	76
“Уже привыкли петь осанну...”	76
“Всю жизнь решаешь сверхзадачу...”	77
“Твой жизненный девиз таков...”	77
“Стремишься всюду быть первым первого...”	77
“Марки, фангики, картины...”	77
“Глашатаи эпохи...”	78
“У правды тяжела рука...”	78
“Страсть неуёмная и к фауне и к флоре...”	78
“Собак боготворил и славил...”	78
“Людоед сказал с досадой...”	78
“Если хочешь жить с собой в ладу...”	79
“Планку, слишком задирая, не забудь...”	79
“Уметь по потолку ходить свободно...”	79
“Потеря шевелюры, памяти и зрения...”	79
“Любить себя сегодня вовсе не зазорно...”	79
“Зачем же женщине права...”	80
“Глаза огнём любви горят...”	80
“Отдаваясь бурно страсти сладкой...”	80
“Там силикон, здесь визажист поможет ловкий...”	80
“Стал в нашем возрасте привычной нормой...”	81
“Только на краю обрыва...”	81
“Когда покажется однажды...”	81

“И КРУЖИТСЯ НЕМНОГО ГОЛОВА...”

“Я долго ждал и герпеливо...”	82
“Измерен путь и обозначен...”	83
“Я не умел любить, как ты...”	84
“Прости за всё, что не сбылось...”	85
“Любовь кончается, как год...”	86

Меня кружила суета земная..."	87
Свидание в заброшенном саду..."	88

“ВДОХНУТЬ ЧЕРЁМУХОВЫЙ ДЫМ...”

Сжимает сердце от чего-то..."	89
Первых снежинок стая..."	90
Выйдешь на крылечко в ранний зимний вечер..."	91
Уходишь по утрам – темно..."	92
После бурана – утром тишина..."	93
Ушла зима, опустошив до дна..."	94
Взглянуть на мириады звёзд..."	95
Тро в горах	96
Я не верил долго в инопланетян..."	97
Своих желаний несытных инструменггы..."	98
Скрывалось плавно солнце за холмами..."	99
Париж	100
Конечно, по желанию Исиды..."	101
Едва повеет пряным запахом сандала..."	102
Что сухонутные границы..."	103
И вновь я собираюсь за границу..."	104

“КОГДА ВЛЕЧЁТ НЕОТВРАТИМО ПРОСТРАНСТВО БЕЛОГО ЛИСТА...”

Уже никто не помнит точно год и век..."	105
Лукавство прячется в словах..."	106
Последняя осенняя листва..."	107
Как просто оказаться разом..."	108
Шумят леса от севера до юга..."	109
Ты сказала, что в жизни..."	110
Когда на крыльях слов певучих..."	112
Ещё не наступило лето..."	112
Задовник	113
Писать о вечном и простом..."	114
Когда влечёт неотвратимо..."	115
Считай не годы, а дороги..."	116
Поверить, что предreshено..."	117
Послесловие <i>И.В. Варыгина</i>	118

Брейдо Иосиф Вульфович

В синкопе времён

Избранные стихи

Компьютерная вёрстка:

Т. Б. Ерёмкина

Корректор:

И. В. Варыгина

Книга издана на средства автора

*Автор искренне благодарен И.В. Варыгиной
и Т.Б. Ерёмкиной — без их бескорыстного труда было бы
невозможно появление на свет этого сборника.*

*Подписано в печать 13.02.2013г.
Формат 60x84 1/16, бумага офсетная
Усл.п.л. 7,75. Заказ №173. Тираж 500 экз.*

*Отпечатано в типографии «Гласир».
г.Караганда, ул.Ермекова, 112/5.
Тел.: 8(7212) 43-38-57, 43-17-05.*

Библиотека им. М.О. Аузова

1 1 4 3 8 6 4 9